

ТАЙНАЯ КАНЦЕЛЯРІЯ

въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны.

1741—1761.

Въ дѣлахъ Тайной Канцеляріи XVIII столѣтія сохранился весьма важный матеріалъ для характеристики русскаго народа и его отношеній къ тѣмъ или другимъ распоряженіямъ правительства или къ лицамъ, стоявшимъ у кормила правленія. Мы говоримъ о тѣхъ толкахъ народныхъ, которые вызвали страшный крикъ: „слово и дѣло!“ и были поводомъ къ привлеченію неосторожныхъ говоруновъ въ Тайную—подъ розыскъ, и затѣмъ подъ кнутъ и въ ссылку. Значеніе этихъ дѣлъ въ ряду прочаго историческаго матеріала давно уже указано, какъ въ историческихъ монографіяхъ пишущаго эти строки,¹⁾ такъ затѣмъ въ трудахъ гг. Соловьева, Щебальскаго, Есипова и др.

Въ настоящей статьѣ мы представляемъ обзоръ дѣлъ, произволившихся въ Тайной Канцеляріи за время царствованія Елизаветы Петровны (1741—1761). Къ сожалѣнію, обзоръ этотъ не полонъ; онъ основанъ на выпискѣ только изъ ста девяти дѣлъ,—выпискѣ составленной, какъ можно полагать, для императора Петра III, или даже для императрицы Екатерины II—по ея воцареніи.²⁾ Находящаяся передъ нами копія, очевидно, составляетъ лишь отрывокъ изъ нашего обзора всей дѣятельности Тайной Канцеляріи за двадцать лѣтъ (1741—1761); несмотря, однако, на неполноту, отрывокъ все-таки имѣетъ значительный интересъ: въ немъ ярко отражаются тѣ событія, кото-

¹⁾ «Народные толки о Петрѣ Великомъ», «Слово и дѣло» и проч. рассказы напечатанные въ журналахъ 1860—1863 гг. Ред.

²⁾ Что выписка составлена уже послѣ 1761 г. видно изъ того, что объ императрицѣ Елизаветѣ упоминается какъ о покойной. Ред.

рыя производили особенное впечатлѣніе въ русскомъ народѣ. Болѣе ста лѣтъ тому назадъ; впечатлѣнія эти высказывались, болѣею частью, весьма своеобразно, въ самыхъ дикихъ, нелѣпыхъ, и тѣмъ не менѣе весьма характеристичныхъ толкахъ.

Ред.

I.

Первую и самую обширную группу изъ дѣлъ, о которыхъ говорится въ экстрактѣ 1762 г., представляютъ дѣла по преступленіямъ противъ личности императрицы Елизаветы Петровны. Разнообразны эти преступления: здѣсь есть и злоумышленіе „къ поврежденію высочайшаго ея И. В. здравія“ и непочтительные о ней отзывы; здѣсь выражаются народные толки и взгляды на то или другое событіе изъ жизни императрицы Елизаветы, на то или другое распоряженіе правительства ея времени.

Вотъ бѣглый солдатъ, скитающійся по разнымъ городамъ и весьма обширнаго своего отечества, пойманъ былъ во время бѣгства его изъ Польши. Солдата привели въ Сыскной Приказъ, отсюда переслали въ военную коллегію, изъ которой препроводили обратно въ Приказъ, гдѣ онъ и сказалъ за собою „слово и дѣло, по первому пункту“: вслѣдствіе этого онъ отправленъ въ Тайную канцелярію. Здѣсь солдатъ „ложно-вымышленно показывалъ, что якобы, по побѣгѣ его изъ Оренбурга, въ бытность его въ Польшѣ, польскій есендзъ Радзивиль Иеронимъ, подскарбій онтовскій, научилъ его учинить злое дѣло къ поврежденію высочайшаго ея И. В. здравія, и далъ ему для того порошки; и говорилъ, чтобъ оныя, гдѣ государыня шествіе имѣтъ будетъ, высыпать на землю; и будто-бы онъ, для учиненія онаго злаго намѣренія, наряжаясь въ офицерское платье, ходилъ во дворецъ и ѣздилъ въ Царское Село. тою-де того злаго своего намѣренія не учинилъ онъ отъ страху, а высыпая одинъ порошокъ для апробаціи подъ курицами; и какъ-де тѣ куры на тотъ порошокъ нашли, такъ-де у нихъ ноги оторвало, а другой (порошокъ) бросилъ въ воду“.

Вмѣсто смертной казни, солдатъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Рогервикъ, въ вѣчную каторжную работу.

Дворовый челоувѣкъ статскаго совѣтника Ивана Бахметева получилъ отъ артилерійскаго подпоручика два письма „въ пакетѣ, на которомъ надписано было: секретъ, тайно ея И. В. единой про себя прочесть, не давать сиклиту“. Означенныя письма „единой ея И. В. были секретны, и на тайную-де и на многія подозрительныя въ смерт-

номъ злодѣйствѣ, на здравіе ея И. В. и наслѣдника ея И. В.“ Дворовый человѣкъ Бахметева не только не донесъ объ этихъ письмахъ, но имѣлъ намѣреніе лично подать ихъ императрицѣ. Съ этою цѣлью самъ онъ написалъ письмо, которое и подалъ статс-дамѣ Корфовой. Въ письмѣ писалъ онъ весьма продерзко, чтобъ „она, г-жа Корфова, представила его скоро всѣмъ государынямъ, что-де онъ имѣетъ объявить тайный секретъ ея величеству, а именно-де о смертномъ злодѣйствѣ, токмо-де никому и вѣрнымъ объявить не изволите“.

Двороваго человѣка наказали, вмѣсто кнута, плетьюми и сослали въ Оренбургъ „на службу, въ какую онъ способенъ явиться“.

Въ Тайной Канцеляріи много производилось дѣлъ по ложному сказыванью слова и дѣла по первымъ двумъ пунктамъ; въ экстрактѣ изъ этихъ дѣлъ почти не упоминается, въ чемъ именно состояли эти измышленія кривуновъ слова и дѣла? Производство этого рода дѣлъ почти одинаково. Приведутъ колодника въ Тайную Канцелярію и начнутъ „съ розыску“ спрашивать; при этомъ окажется, что никакого слова и дѣла за нимъ нѣтъ. Накажутъ виновнаго кнутомъ или плетьюми и сошлютъ въ какой-нибудь отдаленный городъ. Если же ложный окрикъ „слова и дѣла“ окажется во второй и третій разъ, то наказаніе увеличивается.

Но вотъ, между другими, цѣлый рядъ дѣлъ по поводу непочтительныхъ отзывовъ объ императрицѣ, выраженныхъ „въ непристойныхъ словахъ“ и „неудобьсказуемыхъ поношеньяхъ“.... Во всѣхъ этихъ преступленіяхъ виновными являются, главнымъ образомъ, бѣглецы солдаты и матросы, нѣсколько разъ наказанные за ложное сказыванье слова и дѣла, за убійства, грабежи, поддѣлку паспортовъ и за разные другія преступленія. Затѣмъ встрѣчаются крестьяне, дворовые люди, однодворцы, фабричные, колодники разныхъ приказовъ и канцелярій, вообще люди, принадлежащіе къ низшимъ слоямъ населенія. Горькая доля, особенно же желаніе какъ-нибудь избавиться отъ наказанія за совершенные проступки, или по крайней мѣрѣ отдалить срокъ его исполненія, заставляеть этихъ людей оговаривать себя и другихъ лицъ въ небывалыхъ преступленіяхъ. Цѣль оговоровъ не достигается: они оказываются „ложно-измышленными“. Тѣмъ не менѣе любопытно, въ чемъ состоятъ оговоры и вымыслы? На чемъ останавливалось вниманіе лицъ, попадавшихъ въ розыскъ Тайной Канцеляріи.¹⁾

Вотъ, напримѣръ, матросъ адмиралтейскаго вѣдомства, который

¹⁾ Розыскъ почти всегда сопровождался пыткой. Описаніе «обряда како обвиненный пыгается — документъ времени императрицы Елизаветы Петровны напечатанъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г. т. VIII, стр. 58—59.

былъ неоднократно наказанъ за ложное сказыванье слова и дѣла; однако же не имѣлъ онъ „отъ тѣхъ своихъ продерзости воздержанія“ и еще разъ сказалъ за собою слово и дѣло. Матроса приговорили къ наказанію; въ это время произнесъ онъ троекратно слова такія: 4) ... всемилостивѣйшая-де государыня до насъ грѣшныхъ не милостива“. Матроса повели къ учиненью наказанья кнутаомъ; „тогда онъ сталъ поносить бранными словами Николая чудотворца и государыню“. И за то за все, вмѣсто смертной казни, учинено ему наказаніе кнутаомъ, и съ вырѣзаніемъ поздрей, сосланъ въ Оренбургъ въ работу вѣчно.

Или вотъ другой матросъ, того же адмиралтейскаго вѣдомства; „онъ бывалъ въ неоднократно ложныхъ сказываніяхъ слова и дѣла и въ другихъ продерзостяхъ, за что и гонянъ шпиц-рутенами, въ разныя времена, сквозь баталіонъ, 61 разъ и множественное число бить кошками“; кромѣ того, этому матросу, „по указу изъ адмиралтейско-колегіи, за другія его вины велѣно учинить наказанье шпиц-рутенами, чрезъ полкъ, 42 раза“. Такой-то человѣкъ оговорилъ одного изъ своихъ товарищей, который будто бы однажды сказалъ ему: „поди-де ты на меня донеси караульному обер-офицеру, что-де я браню Бога и вс-йшую государыню“.

По наказаніи кнутаомъ, съ вырѣзаніемъ поздрей, матросъ сосланъ въ Рогервикъ, въ каторжную работу вѣчно.

Между писцомъ сызранской воеводской канцеляріи Зоринимъ и колодникомъ Кроминцовымъ происходилъ, по словамъ послѣдняго, слѣдующій разговоръ: „якобы онъ, Кроминцовъ, спросилъ того Зорина: не слыхалъ-ли-де ты обо мнѣ чего, и когда-де меня, бѣднаго человѣка, выпустятъ? и на то будто бы онъ Зоринъ сказалъ: какъ-де тебя выпустить, тебѣ-де надобно еще голову рубить, и якобы онъ, Кроминцовъ, на то оному Зорину говорилъ: „Господь-де меня помилуетъ“; и онъ Зоринъ на то будто бы сказалъ: помилуешь-де тебя свинья; и якобы, онъ, Зоринъ, на то сказалъ: да и великая-де государыня не велитъ намъ головы рубить, и жалуетъ-де животомъ. И онъ Зоринъ на то якобы ему, Кроминцову, говорилъ слова такія: кто-де васъ жалуетъ и того бы кнутаомъ. За этотъ „ложновымышленный“ разговоръ, опредѣлено по наказаніи кнутаомъ, сослать Кроминцова въ вѣчную каторжную работу въ Рогервикъ.

Солдатъ Бѣлогородскаго гарнизоннаго полка оговорилъ пять человѣкъ и въ томъ числѣ своего прапорщика, который будто бы

4) Здѣсь, равно какъ и въ слѣдующихъ мѣстахъ, точки означаютъ опущенныя нами слова. какъ неудобныя для печати.

однажды сказалъ, „что-де недостойно въ нашемъ великороссійскомъ государствѣ женскому полу на царствѣ сидѣть“.

Одинъ фабричный обвинялъ хозяина своей фабрики въ томъ, будто тотъ говорилъ, что „у государыни-де ума нѣтъ“.

Дворовый человѣкъ, проживая съ своимъ помѣщикомъ въ городѣ Архангельскѣ, слышалъ будто бы разговоры, въ которыхъ знакомые помѣщика „вс-йшую государыню Елисавету Петровну называли не природною“. А бѣглый солдатъ лейб-гвардіи Измайловскаго полка на-сказалъ на своего прежняго сослуживца, будто послѣдній доносилъ въ Тайную Канцелярію на одного подъячаго, „въ говореніи имъ словъ такихъ, что неподлежитъ-де вс-йшей государынѣ, на царствѣ сидѣть,— она-де не природная и незаконная государыня, императора Петра Великаго дочь“.

Солдатскій сынъ Никита Алексѣевъ написалъ одному бѣглому врасиру „воровской паспортъ“, за что и былъ „розыскиванъ въ полиціи трижды“. Потомъ „за перемѣну своего имени и за игру съ подозрительными людьми въ зернь и за укрывательство отъ ревизіи учинено ему наказаніе кнутомъ и въ каторжную работу вѣчно“. Отсюда Алексѣевъ бѣжалъ и попалъ въ Тайную Канцелярію. Здѣсь онъ показалъ, что однажды разговаривалъ съ вахмистромъ полиціймейстерской канцеляріи и при этомъ замѣтилъ, что „при первомъ-де государѣ императорѣ накладывалась на нашу братью на двухъ человѣкъ одна цѣпь, а чтобъ-де такія большія цѣпи, какая на немъ есть, носить одному человѣку, указовъ такихъ не имѣется“. На это вахмистръ будто бы сказалъ: „у насъ-де свои указы“. При этомъ же онъ, Алексѣевъ, „на себя показывалъ, что будто бы онъ, будучи пьяный, въ умѣ своемъ поносилъ блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государыню императрицу Елисавету Петровну“. Алексѣева наказали кнутомъ и сослали опять въ вѣчную каторжную работу. Отсюда онъ „паки“ бѣжалъ, и за новыя „продерзости“ наказанъ по прежнему. Но, не имѣвъ отъ тѣхъ своихъ продерзостей воздержанія, говорилъ онъ, Алексѣевъ, слова такія: „я-де бранилъ Бога и поносилъ всемилостивѣйшую государыню“. Когда же Алексѣева попросили объясниться яснѣе, то онъ „показалъ, что-де онъ въ умѣ своемъ разсуждалъ, что для чего-де на него, Алексѣева, Богъ прогнѣвался и всемилостивѣйшая государыня его не смилуетъ, что-де онъ часто находится въ наказаніяхъ, и притомъ же въ умѣ своемъ онъ Бога избранилъ и всемилостивѣйшую государыню поносилъ, а какими словами—не упомнить“.

За всѣ такія преступленія было одно наказаніе: битье кнутомъ и ссылка въ вѣчную каторжную работу. Это же наказаніе при-

мѣнялось и за проступки, состоящія въ неуважительномъ обращеніи съ портретами государыни, въ бросаніи монетъ и бумагъ съ изображеніями императрицы и т. п.,—впрочемъ, только въ тѣхъ случаяхъ, когда виновныя лица наказываемы были въ неоднократномъ ложномъ сказываніи слова и дѣла, въ грабежахъ, и вообще, когда они являлись во многихъ преступленіяхъ и наказаніяхъ.

II.

Вторую группу дѣлъ въ обозрѣваемомъ экстрактѣ 1762 года составляютъ дѣла, въ которыхъ выражаются толки и взгляды на отношенія Елисаветы Петровны къ нѣкоторымъ дѣятелямъ ея царствованія, преимущественно къ двумъ братьямъ—Разумовскимъ.

Положеніе при императрицѣ старшаго изъ нихъ, Алексѣя Григорьевича, особенно поражало современниковъ; въ народныхъ сужденіяхъ или толкахъ о немъ замѣшивается иногда и Кирилль Григорьевичъ. Малороссъ, сынъ простого бѣднаго казака, Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, первоначально взятъ былъ въ придворные пѣвчіе; затѣмъ, со времени восшествія Елисаветы на престолъ, онъ быстро прошелъ придворныя должности, будучи награждаемъ въ тоже время высшими военными чинами. Пожалованіе разныхъ наградъ и отличій скоро сдѣлало бывшаго пѣвчаго знатнѣйшимъ сановникомъ въ имперіи. За что же такія милости? Какія заслуги и доблести явилъ въ своей дѣятельности Разумовскій? Лица, быстро возвышавшіяся, были и прежде,—особенно ихъ много было между „птенцами“ Петра Великаго. Но то были люди необыкновенныхъ дарованій; заслуги ихъ государству были очевидны для всѣхъ современниковъ. Между тѣмъ объ А. Г. Разумовскомъ нельзя сказать ни того, ни другого. Алексѣй Разумовскій, по отзыву историка, былъ человекъ безъ способностей и безъ энергіи, слѣдовательно и ждать отъ него было нечего. Вотъ это-то обстоятельство, въ связи съ необыкновеннымъ возвышеніемъ Разумовскаго, и поражало народъ, который высказывалъ о немъ своеобразные толки и сужденія.

Всѣ эти толки имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, то, что Елисавета Петровна слишкомъ милостива къ Разумовскому, что онъ силенъ единственно расположеніемъ къ нему государыни; что временщикъ вовсе недостойнъ тѣхъ наградъ, которыя ему жалуются; что императрица запросто обращается съ своимъ фаворитомъ; что все это недолжно быть и неминуемо кончится съ воцареніемъ Петра Феодоровича..... Послушаемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ неосторожныхъ говоруновъ.

Вотъ два пріятеля—капраль „кадетскаго шляхетнаго корпуса“ и дворцовый служитель—толкують о томъ, что „ежели лѣтній дворецъ, что на Фонтанкѣ, совсѣмъ состроится, то-де можетъ быть отданъ будетъ Разумовскому, потому что государыня изволила сказать Разумовскому: „Ну, Алексѣй Григорьевичъ, пока я жива, то и ты веселись,— а когда-де я не буду, такъ-де и ты скорѣе умирай“; и ежели-же государыни не станеть, то-де его императорское высочество тому Разумовскому первый злодѣй будетъ, для того, что-де онъ, Разумовскій, теперъ въ силѣ, и его-де императорское высочество оный Разумовскій, можетъ сыскать у государыни, что наслѣдія лишить.....; и какъ-де онъ (Разумовскій) былъ прежде при ея дворцѣ, какъ она, государыня, была цесаревною, то-де онъ произведенъ былъ въ камер-юнкеры; а онъ-де, Разумовскій, былъ поповичъ!..“. По случаю болѣзни Разумовскаго два пріятеля говорятъ, „что-де онъ былъ боленъ, а государыня-де его весьма жалуетъ и въ превеликой своей милости содержитъ; и когда-де онъ бываетъ боленъ, и государыня-де изволитъ съ кавалерами кушать, то-де и оный Разумовскій тогда съ государынею, въ плафрокѣ, кушаетъ“. Пріятелей наказали, вмѣсто кнута, плетью и послали одного въ оренбургскій, а другого въ казанскій гарнизонъ, въ солдаты.

Бѣглый солдатъ новоучрежденнаго кабардинскаго баталіона оговорилъ своего поручика, который будто бы молвилъ: „знаю-де я, почему государыня Разумовскихъ жалуетъ,— мать-де ихъ, вѣдьма кривая, обворожила всѣхъ государыню, и она-де ихъ потому жалуетъ“.

Или вотъ, по случаю пожалованія Разумовскаго въ обер-егермейстеры, одинъ дворцовый человѣкъ показалъ на свою помѣщицу, что она, по поводу этого случая, будто бы выразилась: „оный-де титулъ не въ его мѣрѣ, — общали-де ему плаху да топоръ“. Другой дворцовый человѣкъ, находящійся въ бѣгахъ, прибылъ въ Польшу и здѣсь нѣкому мѣщанину рассказывалъ: „вотъ-де у насъ въ С.-Петербургѣ есть Царское Село, и въ томъ-де селѣ строится дворецъ; а близъ-де Петербурга строится дѣвичій монастырь, и тотъ-де монастырь будетъ, по здѣшнему званію, на милю или болѣе. И оны-де дворецъ и монастырь, съ зачатія ихъ, строеніемъ окончатся лѣтъ черезъ шесть; и какъ скоро тотъ монастырь окончится, то-де всѣхъ государыня наша будетъ сама въ томъ монастырѣ постригаться, а государь-де великій князь Петръ Ѳеодоровичъ на Разумовскаго сердитъ, что уже-де про того Разумовскаго и топоръ купленъ, и хотѣлъ-было-де государь и великій князь Петръ Ѳеодоровичъ того Разумовскаго шпагой заколотъ, но только-де всѣхъ государыня до того не-

допустила". Бывшій лейб-гвардіи Семеновскаго полка солдатъ, въ откровенной бесѣдѣ съ товарищемъ своимъ — колодникомъ, повѣствоваль, между прочимъ, слѣдующее: „когда-де во дворцѣ нашиваль я кушанье, и тогда-де я видалъ, что государь великій князь Петръ Ѳеодоровичъ за тотъ столъ, гдѣ Разумовскій кушаетъ, не садится, и знатно-де по всему, что оный Разумовскій временщикъ, у насъ-де и при каждомъ государѣ временщики, только-де тому Разумовскому знать до тѣхъ поръ и жить, доколѣ государь великій князь Петръ Ѳеодоровичъ государства не приметъ“.

Храбрый казакъ разговариваль съ однимъ малороссомъ. Во время этого разговора послѣдній замѣтилъ: „я-де слышалъ, что въ Аничковскомъ домѣ живетъ разумовскаго племянникъ, капитанъ, и Разумовскіе-де люди знатные“. На это замѣчаніе казакъ говорилъ слова такіа: „ежели-де государь сядетъ на царство, то-де онъ ихъ всѣхъ переберетъ, а то-де баба нажаловала, баба-де царствуетъ, такъ и войны нѣтъ; какая-де это служба? а какъ бы-де была война, то бы я наострилъ свою саблю на этихъ генераловъ. Вотъ-де государыня ѣздитъ, да гуляетъ, она-бъ-де ѣздила въ колѣги, да дѣла дѣлала, а то-де ѣздитъ все за охотою ..., какъ ей и на царствѣ сидѣть? Разумовскіе-де прежде тапливали печи, а нынѣ баба бабски нажаловала, и что-де за нея Богу молить, хотя-бъ ее и не было“. Послѣ этого малороссъ сказалъ: „вотъ-де ты говоришь, что службы нѣтъ, а служба-де есть, и нынѣ-де солдаты работаютъ во дворцѣ, такъ и тутъ государыня платитъ имъ деньги“, — и на это онъ, казакъ, говорилъ: „какая-де эта служба, это-де каторга, и сталь-ли бы-де я такъ работать?“ Малороссъ высказаль мнѣніе: „вотъ-де и турка подтвердительную грамоту привезъ, чтобъ утвердить миръ, и потому-де войны не будетъ“. Казакъ представилъ на это такіа свои соображенія: „Они-де говорятъ, что до того времени только войны не будетъ, пока дѣвица сидитъ на царствѣ, и какъ-де она ихъ завоюетъ, такъ-де имъ будетъ стыдно; а кабы-де война была, тобъ-де перестала она жаловать генераловъ по 10,000 на день, а какъ-де государь сядетъ на царство, то-де будетъ война и все-де будетъ не такъ, а будетъ-де жаловать своихъ любимыхъ, а кого государыня жаловала, то онъ будетъ всѣхъ растригать“.

Всѣ эти разговоры не проходили даромъ: болтуновъ нещадно били кнутомъ и ссылали въ отдаленные города.

III.

Дѣлъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о преступленіяхъ противъ великаго князя Петра Ѳеодоровича — въ нашемъ „экстрактѣ“ немного. Въ

толки о немъ припутывались народомъ и розказни объ императорѣ Петрѣ II, содержащемся будто бы „за моремъ“, подъ стражею.

Преступленія противъ личности великаго князя состоятъ въ злоумышленіи на его жизнь, въ непочтительныхъ о немъ отзывахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ проступкахъ.

Такъ, напримѣръ, крестьянинъ приписнаго къ Троицко-Сергіевой лавры, — Свіязскаго монастыря, Свіязскаго-жъ уѣзда, села Калдѣва, деревни Федяевой, ложно показалъ на строителя того монастыря, іеромонаха Варфоломея, будто онъ признался своему брату въ умыслѣ отравить Петра Ѳедоровича: „Вотъ-де я, — рассказывалъ крестьянинъ о строителѣ, — имѣю намѣреніе его и. в. государя великаго князя Петра Ѳедоровича чрезъ отраву умертвить; и къ тому-де умершвлению приготовлена у него, Варфоломея, заморенная въ горшкѣ трава-черемица, да не знаю-де какимъ случаемъ, и гдѣ и чрезъ кого ту отраву его высочеству дать; а нынѣ-де придумалъ онъ ту отраву въ кушаньѣ, или въ какомъ напиткѣ его высочеству, сыскавъ случай дать тогда, когда пришествіе его и. в. будетъ въ Троицкую лавру. И на то будто бы оный братъ его сказалъ, что-де это хорошо“. Крестьянинъ нещадно битъ кнутомъ и сосланъ въ каторжную работу.

Бывшій подканцеляристъ юстиц-конторы получилъ отъ содержащагося въ Сыскномъ Приказѣ колодника шесть „цидулокъ“ и не донесъ объ этомъ куда слѣдуетъ; между тѣмъ въ цидулкахъ этихъ написано было такъ: „всероссійственной имперіи уповаемый держатель, великій князь Петръ Ѳедоровичъ, — за ваше высочество много пострадахъ, и на Тайную Канцелярію, по разнымъ дѣламъ, имѣю показать подозрѣніе, зане же ищутъ злое время ваше высочество погубить“. Но мало того, что подканцеляристъ не донесъ объ этихъ цидулкахъ, онъ роздалъ ихъ двумъ своимъ знакомымъ съ тѣмъ, чтобы они доставили ихъ наслѣднику престола.

Въ этомъ поступкѣ Тайная Канцелярія усмотрѣла, что подканцеляристъ своихъ пріятелей „привелъ къ учиненной важной продерзости и возмущенію“. Къ тому же, одинъ изъ знакомыхъ подканцеляриста, будучи въ Ораниенбаумѣ, помянутыми цидулками „караульныхъ солдатъ привелъ къ послушанію команды и къ немалой продерзости“. А самъ подканцеляристъ, „какъ отираваемъ былъ изъ Тайной Канцеляріи въ Шлиссельбургскую крѣпость для содержанія, то кричалъ всенародно такъ: „слышите-де! графъ Александръ Шуваловъ хочетъ погубить государя великаго князя, о чемъ-де и письма есть!“

Подканцеляриста сослали въ одинъ изъ сибирскихъ остроговъ на пожизненное заключеніе.

Непочтительные отзывы о великомъ князѣ были, напримѣръ, та-

кѣ, что его называли „незаконнымъ“ наслѣдникомъ, „антихристомъ“, что онъ „добытъ гайдукомъ“ и проч. Но вотъ гренадеръ глузскаго гарнизоннаго полка поступилъ иначе. Гренадеръ этотъ за неоднократное ложное сказыванье слова и дѣла наказанъ былъ шпирутенами, но не унижался. Однажды провизнесь передъ солдатами, „съ крикомъ“, такіе слова: „міръ, народъ Божій, слушай! я — царевичъ“.

Самозванца наказали кнутомъ и, съ вырѣзаниемъ ноздрей, сослали въ Оренбургъ, въ вѣчную работу.

Что же касается до разсказовъ о заточеніи Петра II „въ другихъ государствахъ, за моремъ“ и о возвращеніи его въ Россію, то всѣ эти разсказы, весьма въ то время въ народѣ распространенные, за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ подробностей, совершенно одинаковы, несмотря на то, передаетъ-ли ихъ какой-нибудь колодникъ, или солдатъ, пощъ-растрига, или ссыльный въ Оренбургъ. Поэтому мы приводимъ здѣсь только одинъ разсказъ этого рода, какъ наиболѣе полный и характерный

„Скоро придетъ всѣмъ воскресеніе, — повѣствоваль сосланный въ 1749 г. въ Оренбургъ, — и всѣ-де мы воскреснемъ скоро; ѣздилъ-де одинъ купецъ за море, и било-де его на морѣ погодою нѣсколько дней, и прибило его къ нѣкоторому городу; и тотъ-де купецъ, вышедъ изъ того судна, раздавалъ въ томъ городѣ нищимъ милостыню, и раздавъ милостыню, шелъ по прежнему на корабль; и стоящіе-де у одной палатки часовые оному купцу говорили, что-де онъ всѣмъ нищимъ милостыню подавалъ, а своему-де російскому не подалъ; и оный-де купецъ пришелъ въ ту палатку, для подаванія тому человѣку милостыни, и содержащійся-де въ той палаткѣ человѣкъ говорилъ тому купцу: знаешь-ли-де ты меня? И оный-де купецъ далъ тому человѣку милостыню и сказалъ: что-де я его не знаю! и оный-де человѣкъ тому купцу сказалъ: знаешь-ли-де ты, что я вашъ монаръ — второй Петръ, и стражду-де здѣсь долговременно? и теперь-де мнѣ писемъ ему, купцу, давать невозможно, что-де увидать вараульные; и чтобъ-де онъ пришелъ поутру, для подаванія ему милостыни, а онъ-де ему приготовить отъ себя видъ. И оный-де купецъ, не говоря тогда ничего, изъ этой палатки вышелъ, а потомъ на другой день оный же купецъ въ ту же палатку ходилъ; и оный-де содержащійся въ той палаткѣ человѣкъ далъ ему сапоги, и приказывалъ, чтобъ онъ, купецъ, тѣ сапоги отдалъ сестрѣ его, милостивой государниѣ, и она-де тѣ сапоги распоретъ, и можетъ-де его узнать. И потому-де уповательно, что уже туда для свидѣтельства того человѣка давно уже полки посланы“. Когда же одинъ изъ слушателей возразилъ, что

онъ самъ помнить, „какъ второму императору погребеніе было въ Москвѣ, и какъ-де этому можно сдѣлаться“, то расказишь отвѣчалъ „что-де это сдѣлали князя Долгорукіе, и мертвое тѣло, вмѣсто государя, подложили другое, а его-де, государя, званно выняли, такъ же, какъ нынѣ всемілостивѣйшую государыню хотѣли-было увести подъ карауломъ“.

За такіе розказни говорунѣвъ нещадно били кнотомъ и ссылали въ Сибирь.

IV.

Злополучная судьба Брауншвейгской фамиліи тоже нашла себѣ отголоски въ народныхъ толкахъ и взглядахъ; въ имѣющемся у насъ эстрактѣ объ этомъ—два-три дѣла. Какъ видно, въ этомъ случаѣ вниманіе останавливалось особенно на бывшемъ малолѣтнемъ императорѣ Иоаннѣ Антоновичѣ.

Вотъ, напримѣръ, крестнаго монастыря Каргопольскаго уѣзда, Карошинской волости, деревни Лапинской, крестьянинъ Иванъ Михайловъ сочинилъ „таблицу, въ коей написано было тако: я—Иоаннъ, императоръ и самодержецъ всероссійскій, а Елисавету императрицу и наслѣдника ея свержу съ престола; и нынѣ я подъ скрытіемъ нахожусь въ Негренской пустыни казначеемъ, въ томъ и подписуюсь своеручно я, Иванъ Михайловъ“. За такую таблицу—сверхъ бывшаго розыска (пытки), вмѣсто смертной казни, по учиненіи наказанія кнотомъ, и съ вырѣзаніемъ ноздрей, Михайловъ сосланъ въ Рогервикъ па вѣчныя работы.

Или вотъ сибирскій купецкій человѣкъ, содержащійся въ Тайной Канцеляріи колодникомъ, разказываетъ караульщикамъ его солдатамъ, что онъ „бѣжалъ изъ-подъ караула въ Польшу; а изъ Польши-де пошелъ въ Пруссію, и былъ у прусскаго короля, и вмѣстѣ съ нимъ онъ обѣдывалъ, и ѣздилъ въ каретѣ, и тѣмъ-де прусскимъ королемъ пожалованъ онъ былъ въ его войско полковникомъ; и видѣлъ-де онъ у того короля бывшаго въ россійской службѣ адъютантомъ Манштейна; и онъ-де король далъ ему видѣ, чтобъ ему ѣхать къ Ивану Антоновичу Ульриху, чтобъ ему быть по прежнему въ Россіи на царствѣ; и съ тѣмъ-де видомъ поѣхалъ онъ въ Польшу къ старовѣрамъ для согласія, чтобъ Ивана Антоновича посадить по прежнему въ Россіи на царство: и у тѣхъ-де старовѣровъ онъ былъ; и какъ-де онъ отъ тѣхъ старовѣровъ пошелъ, то-де попался онъ подъ караулъ, и сказывалъ-де онъ слово и дѣло, и въ томъ-де онъ присланъ въ Тайную Канцелярію“.

Купецкій человѣкъ битъ кнотомъ и сосланъ въ работы.

Въ описываемомъ документѣ есть одно дѣло, которое рѣзко выдается изъ другихъ въ томъ отношеніи, что высказанныя въ немъ сужденія и взгляды объемлютъ цѣлый рядъ выдающихся правительственныхъ лицъ, политическихъ фактовъ и обстоятельствъ елисаветинскаго царствованія.

„Канцеляріи отъ строеній поручикъ Астафій Зимнинскій, магазин-вахтеръ Иванъ Седестромъ, которые произносили важныя, непристойныя слова такія, а именно: Зимнинскій: государыня-де императрица Елисавета Петровна насъ, когда желала принять престолъ россійскій, такъ оболестила, какъ лисица, а нынѣ-де такъ ни на кого не хочеть смотрѣть; про пѣвчихъ ея И. В. и генерально обо всѣхъ малороссіянахъ, что напредъ-де сего оны пѣвчіе и прочіе малороссіяне, которые подлаго воспитанія, хаживали убого и напивали на себѣ убогое платье и сапоги по осьминѣ, а нынѣ-де вышли всѣ по Разумовскомъ, и носятъ-де богатое платье съ позументами; да и самъ-де онъ, Разумовскій, изъ малой Россіи пріѣхаль въ убогомъ платьѣ и дядю инспектора Стеллиха разувываль; да и всѣмъ-де намъ отъ государыни милости-то немного. Вотъ-де и нынѣ государыня болѣе милостива къ малороссіянамъ, а не такъ-де какъ къ намъ. Архіереи-де живутъ сластолюбно, а не къ душевному спасенію; и нарекаль о томъ болѣе на переяславскаго архіерея Арсенія;—когда-де во время службы въ церквахъ на эктеніяхъ поминается имя государынино, то-де и народъ во время того ни одинъ не перекрестится; знатно-де, что и народъ ее не любитъ; не очень-де въ лѣтній новыи домъ пускають, для того, что по два человѣка не велеть ходить въ томъ мнѣніи, что противное совѣщаютъ и шепчуть; про государыню гурвориль-же: всегда-де во трусости находится, третій-де садъ для того устроенъ, — хорошо, что прикащики, то-де не худо, а хозяйнѣ-де нынѣ молится у соловецкихъ чудотворцевъ, авось-либо услышана будетъ молитва отъ Бога; и притомъ употребилъ онъ, Зимнинскій, евангельскую притчу: бѣги-де во Египеть, и буди тамо, дондеже рекути; да сватый-де Іоаннъ предтеча написалъ: мнѣ-де подобаеть молиться ему, въ принцу Іоанну; что означенный лѣтній домъ застроенъ еще при цемъ, и желаніе его, Зимнинскаго, было, чтобъ по прежнему быть оному принцу Іоанну на всероссійскомъ престолѣ императоромъ, потому что оному принцу Іоанну имѣются въ свойствѣ датскій, прусскій и англійской короли и венгерская королева; и ежели бы они онаго принца Іоанна съ матерью и съ отцомъ, его какимъ образомъ могли-бы изъ того монастыря взять въ свои земли, то, по свойству, войною могли-бы они, по прежнему, онаго принца Іоанна на россійскій престолъ возвести императоромъ, а государыню-бъ императрицу съ престола

свергнуть, и его-бъ и. выс-тво отъ наслѣдства всероссійскаго престола отрѣшнить; а то его (Зимнинскаго) желаніе было въ такомъ мнѣніи, что ежели-бъ оному принцу Іоанну возведеніе заподлинно учинилось, то думалъ онъ тогда о томъ своемъ желаніи тому принцу Іоанну объявлять; за что онъ уповалъ себѣ отъ онаго принца Іоанна получить немалое награжденіе; сожалья онаго принца Іоанна говорилъ же онъ, что ежели-де онъ принцъ Іоаннъ придетъ въ возрастъ, и прекратится жизнь ея И. В. и его и. выс-тва, то кромѣ-де онаго принца Іоанна на Россійскомъ престолѣ императоромъ быть некому: я-де чаю, что для того и въ свою землю ихъ отпускать государыня не дозволяетъ;— вотъ-де въ оперномъ домѣ серебряныя паникадилы, а въ иныхъ-де церквахъ и деревянныя паникадилы, я чаю, нѣтъ; за что-де за этотъ оперный домъ издержано суммы 70,000, а на церковь-де и двухъ тысячъ жалъ дать, такая-то дескать богомолица. Какъ пріѣхала-де изъ Москвы, такъ ни однажды въ церкви не бывала, только-де всегда упражняется въ комедіяхъ. А я-бъ дескать взялъ пушекъ пять, и поставилъ-бы тутъ, и, зарядя ихъ дробью, разстрѣлялъ ее нарочно.

Увидя онъ, Зимнинскій, переяславскаго архіерея у іермонаха Никанора костыль съ серебряною оправою, говорилъ онъ тому Никанору: помѣняемся-де съ моею тростью; и Никаноръ сказалъ, что тотъ-де костыль пожалованъ ему отъ государыни; и онъ, Зимнинскій на то сказалъ: у васъ-де и быть. Принца Іоанна, онъ, Зимнинскій, выхвалялъ, что онъ въ поступкахъ своихъ уменъ; и сожалья онаго принца Іоанна, отца и мать его, говорилъ: вотъ-де уже ихъ въ третье мѣсто перевели, и не знаютъ-де куда ихъ дѣвать; не такъ-де какъ нынѣшній нашъ трусъ наслѣдникъ: вотъ-де какъ — аномеднись ѣхалъ онъ мимо солдатскихъ гвардіи слободъ, верхомъ на лошади, и во время-де обученія солдатъ была изъ ружья стрѣльба; то-де тогда онъ той стрѣльбы испужался, и для того-де онъ запретилъ, чтобъ въ то время, когда онъ проѣдетъ не стрѣляли“.

..... „Лейб-компаніи о гренадерахъ говорилъ онъ, Зимнинскій: я-де думалъ, что я одинъ ихъ не люблю, а какъ-де послушу, такъ-де и многіе ихъ ненавидятъ; а ненавидитъ-де онъ ихъ за то, что отъ нихъ съ престола сверженъ принцъ Іоаннъ. О новоостроющейся тогда здѣсь Троицкой церкви говорилъ онъ: вотъ-де прожектъ былъ при государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ, чтобъ оную церковь строить каменную. И смѣткою-де на построеніе той церкви требовано не малой суммы; и какъ-де рисунокъ принесли къ государынѣ, и донесено, въ какую сумму она церковь стать можетъ, то-де тогда государыня отказала, а указала-де строить деревянную церковь. Вотъ-де какъ на строеніе каменной церкви, такъ жалъ денегъ дать; а брату-де Разумовскому

который-де поѣхалъ за море, не жалъ было и сто тысячъ дать. Да и тѣ деньги уже онъ прожилъ, а нынѣ-де и еще требуетъ. Когда бы-де мнѣ Петровский островъ отдали, тобъ-де я построилъ тутъ домъ, или бы-де сдѣлалъ пустыню, и жилъ бы-де на уединеніи не такъ, какъ нынѣшніе архіереи живутъ; и ежелибъ-де тѣхъ архіереевъ отдать мнѣ на три дни въ руки, тобъ-де я ихъ перебралъ. Про принца Іоанна говорилъ же онъ: дай-де Богъ страдальцамъ нашимъ счастье и для того-де многіе партіи его держать. Вотъ-де и князь Никита Трубецкой и гвардіи нѣкоторые маіоры партію его держатъ же; въ воскресенье съѣхали-было во дворецъ господа видѣть его высочество: а онъ-де, сидючи на ошошкѣ, стрѣлами забавляется, одинъ-де подаетъ, а другой-тѣ стрѣлы подбираетъ; Богъ-де знаетъ, чтобъ ожидать въ немъ толку. Пѣвчіе-де ея И. В., которые пожалованы дворянами, и у старыхъ дворянъ старшинство отнимуть. Про принцессу Анну (Леопольдовну) про мужа и про сына ея говорилъ же онъ, Зиминскій, какъ бы-де они не уѣхали за море, для того, что-де близко города Архангельскаго, а у нихъ-де не безъ друзей. Здѣсь первый-де князь Никита Трубецкой, да и всѣ-де господа-то партію держатъ, также и лейб-компаніи большая половина, а особливо старое дворянство во главою; случилось-де мнѣ въ лѣтнемъ саду у государыни на часъ стоять, поставилъ-де меня Разумовскій, и никого не велѣно пропускать и ниго-де не ходилъ, а только-де государыня въ тотъ садъ въ бесѣду пошла, самъ третей съ Разумовскимъ, да съ Чернышевымъ; и я-де всѣхъ ихъ изъ-за шпалеръ видѣлъ. Одинъ-де изъ генералитета, съ голубою лентою, при Разумовскомъ представлялъ, что не изволить-ли указать, чтобъ псовую охоту убавить, для того, что-де ея очень много. И на то-де государыня изволила сказать: инде той охоты убавить; на что-де Разумовскій сказалъ: ежели-де изволите приказать той охоты убавить, то-де я прошу вашего величества, чтобъ меня отъ двора уволить. И государыня-де изволила сказать: инде на что убавлять, можно-де и еще прибавить."

„Седестромъ говорилъ выше объявленные про пѣвчихъ ея И. В. и о всѣхъ малороссіянахъ и о Разумовскомъ слова; онъ же говорилъ: когда-де Гринштейнъ и прочіе лейб-компанцы къ государынѣ пришли въ милость и тогда-де, ходя они по домамъ и по кабакамъ, народъ обольщали, что государыня милостива; а бывшую принцессу Анну (Леопольдовну) и сына ея принца Іоанна во овлобленіе приводили. Когда-де государыня приняла престолъ россійскій, тогда-де читали манифесты о шведской войнѣ; а сочинены-де оныя манифесты прежде принятія престола фальшиво, яко бы шведская война за то была, что государыня не на престолѣ,—а послѣ принятія престола тѣхъ манифестовъ мы уже не ви-

дали, а шведская-де война не для того имѣлась, что государыня не на престолѣ была, но по сожалѣнію о принцѣ Іоаннѣ, и объ отцѣ его, что они въ ссылкѣ. Говорилъ онъ, Седестромъ: вотъ-де у нихъ имѣется свойство съ датскимъ и англійскимъ королями, и венгерскою королевою, и могутъ-де они какъ-нибудь всякими мѣрами ихъ принца Іоанна, мать и отца его изъ Риги выручить, и войною по прежнему онаго принца Іоанна возвести на всероссійскій престолъ императоромъ; и нынѣ-де и войско прусскаго короля для выручки ихъ стоитъ 60,000; дай-де Боже, чтобъ, по прежнему, оному принцу Іоанну на всероссійскомъ престолѣ быть императоромъ, понеже-де мать и отецъ его, принца Іоанна къ народу весьма были милостивы, и челобитныя-де принимали и резолюціи были скорыя; а нынѣ-де государыня челобитныя не принимаетъ и скорыхъ резолюцій нѣтъ; и для того желалъ онъ (Седестромъ) больше быть на всероссійскомъ престолѣ императоромъ принцу Іоанну. И ежели бы-де у меня много вина было, тобъ-де я могъ много добра сдѣлать; у насъ-де Россійскій слабый народъ, только-де его напой, а онъ-де и не вѣсть что сдѣлаетъ. Лейбъ-де компанію ненавидитъ онъ (Седестромъ) за то, что отъ нихъ съ престола сверженъ принцъ Іоаннъ. Разсуждая онъ, Седестромъ, съ помянутымъ Зимнинскимъ о бывшей въ 1744 году звѣздѣ, говорилъ: читывалъ онъ-де въ книгѣ Златый Бисеръ, что эта звѣзда—знакъ худой: либо не хлѣбородный годъ будетъ, или повѣтріе какое, или война, или другая какая перемѣна.

И за тѣ, произнесенныя оними Зимнинскимъ и Седестромъ, слова, сверхъ бывшихъ имъ розысковъ т. е. пытокъ, вмѣсто смертной казни, учинено имъ наказаніе кнутомъ и посланы: Зимнинскій—въ дальніе сибирскіе города на житіе вѣчно, Седестромъ—въ Оренбургъ, въ опредѣленію въ нерегулярную службу, въ каковую способенъ явиться“.

V.

Кромѣ упомянутыхъ нами дѣлъ въ описываемомъ документѣ содержатся такія дѣла, которыя касаются преступленій по должности, по составленію равныхъ подозрительныхъ именъ и тетрадокъ; но они не представляютъ никакого интереса.

Затѣмъ есть дѣла, которыя важутся особенно странными. Такъ напримѣръ: майоръ, да бывший архивариусъ сибирскаго приказа съ московскимъ купцомъ „писали челобитную для подачи ея И. В. на господъ сенаторовъ и на всѣхъ присутствующихъ въ подозрѣніи; и въ той челобитной кн. Никиту Трубецкаго называли воромъ, а Ивана Черкасова и прочихъ тою челобитною бранили Во время сочи-

ненія той челобитной совѣтовались ѣхать въ прусскую землю и съ собою взять книгу: „Правду воли монаршей“; и ту-де книгу хотѣли, закупоря, поставить въ дехтарную бочку и налить дегтемъ и чрезъ заставы проѣхать тайно, а проѣхавъ бы-де въ Пруссію, оную книгу объявить прусскому королю и учинить противъ Россіи возмущеніе, понеже-де здѣсь въ Россіи правды не стало“.

Всѣмъ этимъ злоумышленникамъ вмѣнены въ наказаніе „бывшіе розньки (пытки)“ и сосланы на вѣчное житіе въ Оренбургъ.

Наконецъ въ экстрактѣ 1762 г. содержатся дѣла по расколу, въ которыхъ развиваются религіозно-политическія возрѣнія послѣдователей древняго благочестія. Какъ образецъ этого рода дѣлъ, мы представляемъ здѣсь „важныя, злодѣйственныя, непристойныя разсужденія и толкованія“ с.-петербургскаго купца, содержавшагося колдунникомъ въ Тайной Канцеляріи. Купецъ толковалъ, „что-де нынѣ въ церкви несправедливое ученіе, потому что прежде-де литургію служили на семи, а нынѣ-де служатъ на пяти просвирахъ и прежде-де крестились двуперстнымъ сложеніемъ, а нынѣ-де крестятся триперстнымъ сложеніемъ; и которые-де люди въ нынѣшней церкви причащаются, тѣ-де недостойныя,—и отъ нынѣшней церкви побѣжали въ пустыни для того, что она не потребна, и въ нынѣшней-де церкви образа новыя и убраны жемчугомъ, а старыя вынесены, и архіереи-де и попы настоящаго ученія, по правиламъ св. апостолъ и св. отцевъ, нынѣ не имѣютъ; нынѣшніе-де архіереи и попы и прочіе люди имѣютъ семь сатанинскихъ грѣховъ на себѣ: нюхаютъ табакъ, бранятся матерно, и, приходя въ церковь, разговариваютъ о собакахъ. И нынѣ-де въ церкви не такое гнѣіе, какъ прежде было; а люди-де брѣютъ бороды, и церковь-де всѣмъ любодѣйцамъ и мерзостамъ и грѣхамъ земскимъ мать, понеже-де нынѣ при церкви ученія не имѣется, и тѣхъ-де, которые крестятся двуперстнымъ сложеніемъ и содержатъ старую вѣру, пытаются и убиваютъ, которые-де страдаютъ за старую вѣру, и потому-де они святы. И первый-де императоръ (Петръ Великій) старовѣровъ мучилъ и которые-де замучены—всѣ святы, и билъ Ладожское озеро кнутомъ, и сына своего за христіанскую вѣру казнилъ, и тѣмъ заповѣди Божіи преступилъ, и потомъ умеръ. И при государьнѣ-де Елисаветѣ Петровнѣ народъ въ пагубу идетъ отъ несохраненія старейшей вѣры; и государь-де Петръ Великій былъ антихристъ; и государь-де великій князь Петръ Ѳеодоровичъ послѣдній царь и антихристъ, и будетъ-де только царствовать полчетверти года, и десять генераловъ нмутъ область, яко цари, и единъ часъ примутъ со звѣремъ, т. е. съ антихристомъ великимъ княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ будутъ имѣть одну волю. Оны-жъ-де генералы съ великимъ

княземъ будутъ одну волю и силу имѣть; и тому государю великому князю тѣ генералы отдадутъ государство российское; и онъ-де, по прошествіи полчетверти года, съ Богомъ брань сотворить, то есть правовѣрныхъ станеть мучить. И за то-де и Богъ побѣдитъ его, и тогда-де будетъ кончина свѣту, и Богъ-де сойдетъ съ небесъ и будетъ судить живыхъ и мертвыхъ. И государыню-де императрицу Елизавету Петровну десять генераловъ возненавидятъ, и сожгутъ-де ее огнемъ, то есть плоть ея снѣдятъ. И послѣ-де ея государство российское оные генералы отдадутъ государю великому князю Петру Оedorовичу; и во время-де царствованія его приклонятся всѣ цари и орды, а купцы земстїи отъ силы пищи ея (Елисаветы Петровны), разбогатѣша, понеже-де она, государыня, богатыхъ купцовъ награждаетъ, а мизерные отъ того разоряются; и на нее-де за непоостоянство мира гнѣвъ Божій, и отъ десяти генераловъ сожжена будетъ огнемъ; и когда-де ея, государыню, будутъ жечь, и тогда означенные царіе земстїи оное запаленіе издалеча увидятъ, а купцы богатые, которыхъ государыня изволила награждать, будутъ о ней, государынь, сожалѣть“.

Безумецъ и фанатикъ, а также слышавшіе и не донесшіе о его явно-безумныхъ бредняхъ нещадно биты кнотомъ и разосланы въ ссылку.

Этимъ мы заключаемъ обзоръ имѣющейся у насъ копїи съ обзора дѣлъ Тайной Канцелярїи февраля 1741—1761 года.

